

100-летний юбилей Бориса ПИЛЬНЯКА

БЫТОПИСАТЕЛЬ

РЕВОЛЮЦИОННИК

12 октября 1994 года исполняется 100 лет со дня рождения известного русского писателя Бориса Андреевича Пильняка. Его творческая и литературная судьба сложна и трагична — нещадно критикуемый своими современниками, расстрелянный советской властью в 1938 году, он и в наши дни не дошел до широкого читателя. На вопросы нашего корреспондента Максима Скороходова отвечает Кира Андроникашвили-Пильняк, внучка писателя.

— Пильняк получил известность в первые послереволюционные годы. Как видел он события 1917 года? Как восприняли рождение нового самобытного писателя его современники?

— Борис Пильняк прославился как бытописатель революции, которую он изображал как неординарный и противоречивый процесс, как «муки рождения», так, как он-видел ее своими глазами, без каких-либо специальных углов зрения. Он во многом определил развитие советской литературы того периода.

«Пильняк — реалист и преходный наблюдатель со свежим глазом и хорошим ухом, — писал Л.Троцкий. — Люди и вещи не кажутся ему старыми, зашоренными, все теми же, только приведенными революцией во временный беспорядок. Он берет их в их свежести и неповторяемости, т.е. живыми, а не мертвыми, и в беспорядке революции, который есть для него живой и основной факт, ищет опоры для своего художественного порядка».

А.Воронский называет Б.Пильняка «самым талантливым бытописателем революции», пишет о нем как о «крупнейшем из молодых, с большим дерзанием и самостоятельностью, с несомненными художественными данными, — о художнике, знающем и принявшем новый быт, поставившем задачей своей дать целостную картину революции».

Луначарский отмечает музыкальность прозы Б.Пильняка:

«...Ему хочется быть очень ритмичным. Он доводит прозу по ее звучанию почти до белого стиха или, если хотите, до прозы Белого. Художественные приемы Пильняка иные, чем у Белого, но цель та же самая: дать изображению пусть гротескную, но по сути внутренне четкую структуру. Против такой ритмизации прозы и ее сближения с музыкой возразить нечего, хотя это охватывает чуть ли не всю область художественной прозы, что вряд ли желательно. Даже при конструировании отдельной страницы, главы Пильняк старается достичь подобия не только строфики, но прямо-таки музыкального творчества...».

Борис Пильняк — первый писатель, описавший революцию в новой, авангардной манере.

Иначе, в спокойном, размеренном стиле писать уже было нельзя. Он стал первым бытописателем революции и зачинателем новой русской прозы. У него были последователи и подражатели.

О своих взглядах на писательство и литературу Борис Пильняк не переставал повторять:

«Я люблю русскую культуру, русскую — пусть нелепую — историю, ее самобытность, ее несуразность...» (из письма Б.Пильняка Д.А.Лутохину). — Я был за границей, видел эмиграцию, видел ту-земщину. И я знаю, что русская революция — это то, где надо брать вместе все, и коммунизм, и эсеровщину, и белогвардейщину, и монарховщину: все это главы русской революции, но главная глава — в России, в Москве... И еще: я хочу в революции быть историком, я хочу быть безразличным зрителем и всех любить, я выкинул всяческую политику. Мне чужд коммунизм (большевизм — дело иное), потому что это [нрзб.] кастрирует мою — национальную Россию».

Но за свой смелый взгляд на действительное положение вещей ему постоянно доставалось. Его упрекали в отсутствии в его произведениях коммунистической оси, вокруг которой и развивались бы события, в том, что он воспринял революцию как бунт, очищающую грозу, метель, которая замела и растеряла истины, и не увидел революционной руки. «О Пильняке писали много, — отмечает В.Полонский. — Вряд ли другой советский писатель вызывал одновременно столь противоречивые оценки, как Пильняк. Одни считают его не только писателем эпохи революции, но и революционным писателем. Другие, напротив, убеждены, что именно реакция водит его рукой. В таланте Пильняка мало кто сомневался. Но его революционность возбуждала большие сомнения».

— Наверное, именно талант Пильняка, его яркое творчество и сделали его неугодным властям?

— Гонениям Борис Пильняк подвергался постоянно — можно проследить вехи этих атак, и это отдельная тема. Назову лишь знаменитый 1929 год, ког-

да за травлей Пильняка — Замятин стояла крепкая рука диктатора, прибирающего в одно подконтрольное целое советскую литературу. Борис Андреевич в то время возглавлял Всероссийский союз писателей, а Замятин руководил его отделением в Ленинграде. И когда союз стал мешать нарождающейся партийно-командной системе в области идеологии, главный удар в переломном 1929 году пришелся

опять-таки по ключевым фигурам — Пильняку и Замятину.

Своему принципу — правдивого и объективного видения жизни, без коммунистического угла зрения («существеннейший наказ для каждого писателя — быть талантливым, беречь свое дарование — и только с ним считаться, ибо наказ — заложен в даровании») — Борис Пильняк остался верен до конца жизни.

25 января 1937 года на общемосковском собрании писателей с повесткой «О процессе фашистско-троцкистской банды предателей Пятакова, Радека, Сокольникова, Серебрякова и их многочисленной шайки» Б.Пильняк делает заявление, в котором опять повторяет:

«— Наше оружие, товарищи, — слово... Наше уважение к тому или иному писателю, к тому или иному писательскому времени и поколению в очень большой степени определяется тем, как писатель и писатели несут или несли свое оружие, как его берегут и употребляют. В арсенале слов решающим является точность, правдивость и тон слова. Во всяком случае, мы не уважаем тех писателей, слово которых бежит туда и сюда, хочет быть всюду. Когда мы говорим, что завтрашнее слово отменит с легкостью сегодняшнее слово писателя, и мы знаем, что литератор, который не то чтобы легковесничал со словом, то есть пишет одно, а думает другое, такой литератор не может быть

писателем по существу своей профессии».

В это время его уже перестали печатать, многие считали арестованным, а он начинает писать новый и последний роман «Соляной амбар» — о поколении, участвовавшем в революции.

В тот же год, 28 октября 1937 года, в день рождения своего сына, Борис Пильняк был арестован. Через месяц — прямо на киностудии — была арестована его жена, Кира Георгиевна Андроникашвили.

6 декабря 1956 года, в числе последних, Борис Пильняк был реабилитирован.

— Кира, расскажите, пожалуйста, немного об истории издания произведений Пильняка в России.

— После ареста писателя в октябре 1937 года его имя было изъято из литературного обихода. О нем умалчивалось вплоть до наших перестроечных лет (если не считать сборник его произведений в 1978 году, который издавался 20 лет и вышел в крайне непригодном виде с предисловием воинствующего социалистического критика Новикова). В наши дни стало возможно издание его работ. Сын писателя Б.Б.Андроникашвили-Пильняк занимался восстановлением изувеченных, сплошь в купюрах, текстов Б.Пильняка. Было подготовлено несколько публикаций и изданы сборники произведений, сопровождаемые первыми в наши перестроечные дни статьями о писателе, также принадлежащие перу его сына.

В 1991 году издательство «Современник» выпустило двухтомное собрание текстологически восстановленных произведений Б.Пильняка. Конечно, были и другие публикации и сборники (Минск, Челябинск и др.) работ писателя, но они также не отвечают запросам сегодняшнего времени.

Недавно, к столетнему юбилею писателя, в издательском доме «Лада М» вышло трехтомное собрание сочинений, которое готовилось как основа будущего полного многотомного собрания Б.Пильняка, с подробной статьей его сына Б.Б.Андроникашвили-Пильняка о судьбе и творчестве писателя.

Тем не менее талантливый писатель Б.А.Пильняк остается неизвестным и неисследованным. Фактически до сегодняшних перестроечных дней творчество писателя в России оставалось в забвении, тогда как за границей изучение жизни и творчества Б.Пильняка, как и переводы и публикации его произведений, никогда не прекращались и продолжают в наши дни. Его произведения переведены почти на все языки мира. Исследователи его творчества су-

ществуют во многих странах и представляют широкую географию.

— Какие проблемы стоят перед исследователями творчества писателя в год его 100-летия?

— Проблемы остаются. Одна из них — индифферентность города Коломны, где жил и написал известные свои произведения Б.Пильняк, многократно описав сам этот город, в том, чтобы создать музей писателя. В Коломне сохранился его дом, на котором висит мемориальная доска.

Сложное положение дел в российском книгоиздании не позволяет продолжить публикацию его произведений, а также работ о нем. Так, в готовом, отрецензированном виде лежит книга писем Б.А.Пильняка, до сих пор не нашедшая своего издателя.

Несмотря на свое возвращение в Россию, Б.Пильняк по-прежнему остается неопределенным и неисследованным писателем, изучение которого еще предстает не одному поколению филологов. Литературное наследие Б.Пильняка представляет огромный пласт литературы с массой нераскрытых вопросов.

К столетнему юбилею писателя Институт мировой литературы им. М.Горького готовит международную научную конференцию «Б.Пильняк: опыт сегодняшнего прочтения» — первое официальное чествование писателя, которое должно положить начало исследовательской школе Б.Пильняка.

Б.Пильняк. «Заштат» — журнал «Знамя», № 5, Москва, 1987 г.

Б.Пильняк. «Повесть непогашенной луны» — журнал «Знамя», № 12, Москва, 1987 г.

Б.Пильняк. Повесть «Красное дерево» — журнал «Дружба народов», № 1, Москва, 1989 г.

Б.Пильняк. Сб. «Повесть непогашенной луны» — изд-во «Книжная палата», Москва, 1989 г.

Б.Пильняк. Сб. «Расплеснутое время» — изд-во «Советский писатель», Москва, 1990 г., 606 с., послесловие Б.Б.Андроникашвили-Пильняка «Пильняк, 37-й год».

Б.Пильняк. Сб. «Человеческий ветер» — изд-во «Мерани», Тбилиси, 1990 г., вступ. статья Б.Б.Андроникашвили-Пильняка «Своя картина мира».

Б.Пильняк. Сб. «Повесть непогашенной луны» — изд-во «Правда», Москва, 1990 г.

Б.Пильняк. Сб. «Третья столица» — изд-во «Русская книга», Москва, 1992 г., 444 с., статья Б.Б.Андроникашвили-Пильняка «Мне выпала горькая слава».

Пильняк Борис Андреевич

12.10.94